

УДК 124.51

UDC 124.51

09.00.00 Философские науки

Philosophy

СВОБОДА ЛУЧШЕ, ЧЕМ НЕСВОБОДА?

IS FREEDOM BETTER THAN NON-FREEDOM?

Попова Юлия Николаевна
Канд. пед. наук, доцент кафедры философии
SPIN-код: 6800-5524
e-mail: birj@bk.ru
*ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
технологический университет, Краснодар, Россия*

Popova Yulia Nikolaevna
Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor
at the Department of Philosophy
SPIN-code: 6800-5524
e-mail: birj@bk.ru
FSBEE HE «Kuban State Technological University»,
Krasnodar, Russia

Кузёмина Елена Фёдоровна
Канд. филос. наук, доцент кафедры философии
e-mail: dudakova@yandex.ru
*ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
технологический университет, Краснодар, Россия*

Kuzemina Elena Fedorovna
Cand.Philos.Sci., associate Professor at the
Department of Philosophy
e-mail: dudakova@yandex.ru
FSBEE HE «Kuban State Technological University»,
Krasnodar, Russia

В статье рассматривается проблема свободы человека как экзистенциальный феномен. Анализируется сложившаяся реальность, где среднестатистический человек с конформистской ориентацией оказался неспособен размышлять о подлинной свободе. Раскрывается практический смысл философствования, как необходимого процесса становления внутренней свободы личности

The problem of human freedom as an existential phenomenon. It analyzes the current reality, where the average person with a conformist attitude was unable to speculate about genuine freedom. It reveals the practical sense of philosophizing, as a necessary process of formation of the inner freedom of the individual

Ключевые слова: СВОБОДА, БЫТИЕ, РЕАЛЬНОСТЬ, ФИЛОСОФИЯ, ЛИЧНОСТЬ, ОДИНОЧЕСТВО, ВЫБОР

Keywords: FREEDOM, GENESIS, REALITY, PHILOSOPHY, IDENTITY, LONELINESS, CHOICE

Doi: 10.21515/1990-4665-126-049

«Свобода важнее равенства».

К. Поннер

Несмотря на множество работ посвященных проблеме свободы, всякая новая попытка начинается с осмысления данного понятия. И если у большинства современных людей есть относительное понимание, что погода, лучше, чем не погода, а свобода всегда лучше, чем несвобода, то к собственной свободе готов прийти далеко не каждый. Причиной, как правило становятся внешние факторы, и единицы готовы искать основания в себе. Еще И. Кант говорил, что человек должен жить так, как если бы он был свободен, то есть ответственен за свои поступки, за свой моральный

выбор. Но в современном мире брать ответственность даже за свою собственную жизнь – это непосильная ноша. И куда удобнее жить не внутренними убеждениями, а внешними причинами, объясняя, что абсолютно свободным человек не бывает, так как зависит от тысячи факторов. И сартровское понимание свободы, как фундаментального состояния, предшествующее нашей сущности и предопределяющее ее возможности, где нет различия между бытием и «свободным бытием», все меньше поддается осознанности. Человек не готов быть приговорённым к свободе, и брошенный в нее он карабкается в более «гарантированную» реальность. Свобода предполагает мужества, а не легкости бытия пропагандируемого современным обществом. Да и само понятие “бытия”, как понимал его Хайдеггер, заменено “существованием”, а точнее “выживанием”. «Никогда еще ужас перед бытием не был столь велик, как сегодня» [1, с. 139]. И это важное свидетельство «оставленности бытием», превращает не только человека, но и всё в ничто. «Ничто» окрашенного не позитивным началом, как понимал его М. Хайдеггер, а негативным, как принято традиционно воспринимать этот языковой феномен.

Отсутствие размышлений о проблеме бытия приводит нас к печальному выводу, ведь «там, где ставиться вопрос о бытие - начинается философия. Эта граница отделяет просто мысль от философской мысли» [2, с. 45]. И если рассматривать философию как войну за освещение смыслов, это война проиграна. Все что не имеет осязаемой практической ценности и наглядно выраженного прагматического эффекта, обесценивается и вытесняется. Философствование утратило свою значимость и больше не является ориентиром для общества. Любая интеллектуальная деятельность и философия в частности, призывающая мыслить, проиграла битву со средствами масс-медиа, которые получили широкие права и обязанности «думать за других». В условиях мультикультурного плюрализма, человеку все сложнее проявлять

индивидуальное мышление. Признание равноправия различных взглядов приводит не только к утрате истины, но и девальвации свободы. Человек готов отказаться от борьбы и больше не верит, что только в ней он становится самим собой. Свобода теряет смысл, если действительность признает право на существование любого мировоззрения. Брошенные в свободу, мы теряем под ногами твердую опору, но именно эта безграничная пропасть как чистилище, позволяет вернуть себя из отчужденного мира вещей и неподлинных отношений.

Сегодня не только философия, но любая наука о человеке не способна описать реальность, в которой человек хочет быть свободным. Она упускает механизмы, позволяющие современному человеку приспособливаться к динамичному, сложному миру. Уже не только старшее, но и молодое поколение выдыхается в гонке за переменами. Ускорение, как социальная сила пошатнуло все современные структуры, «шок будущего», о котором писал Э. Тоффлер, ворвался в настоящее. «...Возрастающая скорость перемен нарушает наше внутреннее равновесие, преобразуя сам способ переживания жизни. Внешнее ускорение превращается в ускорение внутреннее» [3, с. 45]. Картина «изменяющейся личности в изменяющемся мире» широкими мазками, выглядит скорее как карикатура, а «пятьдесят оттенков серого» не добавляют ей глубины. Не успевая приспособиться к изменениям мира, человек перестает ощущать этот мир как свой и, следовательно безопасный. Естественная тенденция нашей жизни, связанная с овладением реальностью, больше не наполнена смыслами, а полностью подчинена поведению. И в этом поведении, проблема свободы вызывает обострение тревоги, а процесс осмысления её становится риском, вызовом, призывом, не гарантируя ничего кроме судьбы. Так, по мнению, М. Хайдеггера «Свобода – эта область судьбы, посылающей человека на тот или иной путь раскрытия Тайны», это то, что впервые дарит «просвет»

бытия [4, с. 232]. Однако способность создавать свою судьбу окрашена агрессией и ужасом. Ужас сущего передается пугающей возможностью свободы. Истина человеческой свободы ощущается катастрофой судьбы. Забыв о бездонной свободе бытия, человек готов к насилию над сущим и над своим Я.

Свобода повергает в ужас человека, приближаясь к ней он, чувствует боль существования. С ней приходит пустота и «безоснованность». Она требует взять ответственность за свою жизнь, мысли, чувства и действия, а также неспособность действовать. Приспосабливаясь к выдуманной жизни, человек не готов к подлинной. В этом трагическом положении (кто же хочет брать ответственность), мы ищем подобных, свободных, реальных и идеальных людей, как утешение в своем экзистенциальном одиночестве. Свобода как ничто иное страшит неопределенностью, распространяющуюся не только на будущее, но прошлое. Метафора свободы если и связана с полетом, то это полет над бездной. Чувство страха победило желание вырваться на свободу, надышаться, накричаться, нарадоваться. Уходит в небытие желания свободы, блекнет ее образ, убывает талант к ней, так и не оправдав надежды. Свобода, недавно обещавшая так много, отходит на второй план, и, встраиваясь в мейнстримовский поток, человек легко осваивает законы массмаркета.

Свобода современного человека – это проблема, не только по отношению к миру природы, но и к миру социального опыта; не только к ужасам варварства, но и к ужасам технического прогресса. Рыночные отношения очень многое сделали для процветания людей, но рынок не смог дать людям той степени свободы, которая позволяет им жить в меру своей индивидуальности. Отсутствие собственных целей вынуждает существовать ради сиюминутных целей других. Благодаря прогрессу человек получил власть над материей, но потерял власть над собственным духом. Мир, заваленный вещами, становится более пустым. Внутренняя

пустота открывается не хайдеггеровским простором, а бездонной душевной пропастью, проявляющейся на поверхности в виде различных патологий. Свободными *делаются*, а несвободными делают, но современный человек готов скорее приспособливаться и разрушать, чем выбирать. Сегодня реальность больше не понимается как процесс, в котором человек выступает его активным участником. Постмодернизм не предполагает «сознательное индивидуальное существование», а следовательно, выбора самого себя, но именно этот выбор определяет все последующие выборы. Человек в современном мире не способен избавиться от массивного воздействия «индустрии по формированию сознания».

Последнее отчаяние современного человека, проявляется как саморазрушение, заложенное в нем, и выражается в агрессии. Пытаясь убежать от жизненных трудностей, он вступает в борьбу с ними, полагаясь на не большие собственные ресурсы. Очень часто собственные ресурсы ограничиваются ложными убеждениями. Именно они сдерживают и искажают наши истинные желания, усиливая разлад с самим с собой, а следовательно и экзистенциональное чувство вины. Так, Хайдеггер считает, что «нынешние люди слишком склонны или понимать вину нравственно, как поступок, или опять же толковать ее как определенный род действия» [5, с. 224]. Этим самым они «загораживают» себе первоначальный смысл. Вина, может быть поводом осуществиться, перейти на свой путь становления, реализовать «собрание» себя в бытийном контексте. Но заглушив голос бытия, человек больше не слышит призыва к свободе. Отказавшись от решительности и мужественности, он не способен удерживаться на уровне «присутствующего понимания». В таком состоянии свобода как внутренняя, так и внешняя скорее тяжкое бремя, чем удовольствие. Не свобода, а жесткая зависимость от форматов рынка, позволяющая

встроится в медийные, коммерческие процессы – гарантия сегодняшнего успеха. Поэтому легче найти оправдание своей несвободе, отложить выбор на будущее, поместить себя в инфантильную позицию, и не брать ответственность за свою жизнь. В наше время сформировался новый тип человека, который в сложных ситуациях выбирает, кого можно обвинить во всех его проблемах и невзгодах. Это положение жертвы, как гарантия неприкосновенности в клетке, в которую они сами себя заперли. Прав был С. Кьеркегор, утверждая, что «люди никогда не пользуются свободой, которая у них есть, но требуют той, которой у них нет...».

Вероятно, человек оказался недостаточно силен, чтобы признать за собой право быть свободным. Свободным от самого себя, своих недостатков: таких как: зависимость, тщеславие, несамостоятельность, зависть. Вброшенный в эту жизнь, он страшится своей возможности осознавать приближающуюся гибель, и пренебрегает бытием предопределенным смертью (Sein-zum-Todt). Оставаясь заложником бытия человек, сформировал для себя новый контекст вины, которая оказалась ценой существования. Творя свое бытие, он впадает в рабство «мира объектов», забывая о своей свободе, подменяя ее повседневной реальностью. В своем основании личность легко обнаруживает противоречивость собственного Я, и не способность разрешать эти противоречия приводит к трагедии. Кризис фундаментальных оснований личностного бытия и не способность глубокого осмысления, формирует безликий тип человека удачно приспособленного к существующим формам социальной действительности.

В процессе формирования личность приобретает ряд ограничений, которые определяют его взаимодействие с внешним миром. Односторонний взгляд не позволяет личности постичь свои внутренние глубины. Застой, воспринимающийся как стабильность, вначале не даёт опуститься, а затем и подняться. Но именно эта цикличность, нисхождения

и восхождения, наполняет человека необходимыми знаниями, которые «всегда расширяют наш кругозор, а следовательно, дают нам больше свободы» [6, с. 92]. Выступая апофеозом ясности, свобода вскрывает страх, а первичное осознание его сдерживает бегство в повседневность. Но в эпоху постмодернизма с его обесценившимися ценностями, бездуховными продуктами и неконтролируемыми информационными потоками, человек стал неспособен сосредоточиться на себе и своих потребностях. Повседневность, с надежной материальной основой стала укрытием от самого себя, где в отсутствии желания определить свою жизнь согласно своему предназначению, свобода стала лишним атрибутом, да еще и «безосновной» [7, с. 24].

Литература

1. Heidegger M. Beitrage zur Philosophie (vom Ereignis). Gesamtausgabe. Bd. 65 Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1989.
2. Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер. Последний Бог. – М.: Академический проект, 2014. – 846 с.
3. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.
4. Хайдеггер М. Время и бытие: – М.: Республика, 1993. 447 с.
5. Хайдеггер М. Указ.соч.
6. Джеймс Холлис Мифологемы: Воплощения невидимого мира. М.: Независимая фирма «Класс», 2010 – 184 с.
7. Кузёмина Е.Ф., Попова Ю.Н. Человек на пределе человеческого /Общество: философия, история, культура. 2016. № 5. С. 23-25.

References

1. Heidegger M. Beitrage zur Philosophie (vom Ereignis). Gesamtausgabe. Bd. 65 Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1989.
2. Dugin A.G. Martin Hajdegger. Poslednij Bog. – М.: Akademicheskij proekt, 2014. – 846 s.
3. Toffler Je. Shok budushhego. М.: AST, 2002. 557 s.
4. Hajdegger M. Vremja i bytie: – М.: Respublika, 1993. 447 s.
5. Hajdegger M. Ukaz.soch.
6. Dzhėjms Hollis Mifologemy: Voploshhenija nevidimogo mira. М.: Nezavisimaja firma «Klass», 2010 – 184 s.
7. Kuzjomina E.F., Popova Ju.N. Chelovek na predele chelovecheskogo /Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura. 2016. № 5. S. 23-25.